

Воображая Сибирь: картографический мотив в романе А. Иванова *Тобол*

Юлия Снежко

Кафедра славистики
Институт языков и культур Балтийского региона
Вильнюсский университет
Department of Slavic Studies
Institute for the Languages and Cultures of the Baltic
Vilnius University
E-mail: julija.snezko@flf.vu.lt
<https://orcid.org/0000-0001-5633-5318>

Резюме. В статье рассматривается значение картографического мотива в концептуализации пространства в романе Алексея Иванова *Тобол*. В статье раскрывается связь этого мотива с основными сюжетными линиями романа, со структурой художественного пространства в целом, а также с его идеологической составляющей. В исследовании делается вывод о том, что карта функционирует и как инструмент для прохождения пространства (и тем самым его покорения), и как средство пробуждения поэтической фантазии, а также как отправной пункт в попытках вообразить Сибирь. Опираясь на идеи американского географа И-Фу Туана, автор статьи показывает, что карта в романе играет важную роль в превращении пространства в место.

Ключевые слова: картография, пространство, Сибирь, Алексей Иванов, географическое воображение.

Imagining Siberia: Cartographic Motive in the Novel of A. Ivanov *Tobol*

Abstract. The article considers the role of cartographic motif in the conceptualisation of space in Russian writer Alexei Ivanov's novel *Tobol*. The paper reveals the connection of this motif with the main plot lines of the novel, with the structure of the novelistic space, as well as with its ideological component. The study concludes that the map functions both as a tool for traversing space (and thus conquering it), as a means of awakening poetic imagination, and as a crucial element in attempts to imagine Siberia.

Drawing on the ideas of American geographer Yi-Fu Tuan, the article shows that the map in the novel is one of the most important elements in the attempt to transform space into place.

Keywords: cartography, space, Siberia, Alexei Ivanov, geographic imagination.

Įsivaizduojant Sibiją: kartografinis motyvas A. Ivanovo romane *Tobolas*

Santrauka. Šiame straipsnyje nagrinėjama kartografinio motyvo reikšmė, konceptualizuojama erdvė rusų rašytojo Aleksejaus Ivanovo romane „Tobolas“. Straipsnyje atskleidžiamas šio motyvo ryšys su pagrindinėmis romano siužetinėmis linijomis, kūrinio erdvės struktūra ir jos ideologiniu komponentu. Tyrime daroma išvada, kad žemėlapis funkcionuoja ir kaip keliavimo po erdvę bei jos užkariavimo įrankis, ir kaip poetinės vaizduotės sužadinimo priemonė, taip pat ir kaip atspirties taškas mėginant įsivaizduoti Sibiją. Autorė, pasitelkdama amerikiečių geografo Yi-Fu Tuano idėjas, parodo žemėlapio vaidmens svarbą erdvei transformuojantis į vietą.

Reikšminiai žodžiai: kartografija, erdvė, Sibiras, Aleksej Ivanov, geografinė vaizduotė.

Received: 03/06/2024. Accepted: 14/09/2024

Copyright © 2024 Julia Snežko. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Одной из важнейших тем в двухтомном романе *Тобол* является тема колонизации Сибири в начале XVIII века. Он интересен своей «многозначностью, сложностью взгляда на события, [которые – Ю.С.] задаются в романе обилием принципиально разнообразных точек зрения на происходящее, глазами основных персонажей романа» (Колобаева, 2019, с. 378). Сам Алексей Иванов, а вслед за ним и другие сравнивают роман с сериалом *Игра престолов*: как для него, так и для романа характерен «эпический масштаб» и неожиданные сюжетные повороты (Владимирский, 2018). Благодаря пересечению разных точек зрения и сюжетных линий, насыщенному описанию контрастных природных ландшафтов Сибирь вырисовывается как совершенно особое, принципиально амбивалентное, сложно организованное пространство, живущее по своим собственным законам.

В интервью с Ивановым литературный критик Клариса Пульсон говорит, что «“Тобол” – роман о пространстве, о судьбах пространства, о судьбах людей, которые в это пространство попали» (Пульсон, 2018). Иванов соглашается с таким определением, добавляя, что для представителей столь разных культур, изображаемых в романе, «найти для всех них нечто общее, кроме пространства, попросту невозможно» (Там же).

Пространство романа уже становилось объектом исследования, хотя по сравнению со степенью исследованности более ранних романов *Географ глобус пропил* (2005), *Сердце пармы* (2003), *Золото бунта* (2005) это произведение анализировалось в меньшей степени. Так, А. С. Сазонова выделяет в романе признаки, на основании которых его можно отнести к сибирскому тексту (Сазонова, 2020, с. 20–25). А. И. Зырянова интересуется географическая составляющая романа, а также тот факт, что в романе «впервые дается целостный взгляд на Зауралье» (Зырянов, 2017, с. 43). В статье А. Т. Сироткиной анализируются этнические образы народов, а пространство Сибири предстает в этническом срезе (Сироткина, 2018, с. 70–78). В продолжение изучения темы речной образности в творчестве Иванова написана работа Г. А. Фроловой и Я. А. Солуновой, в которой анализируется значение речной акватории в романе (Фролова, 2020, с. 1–4).

Наиболее полно художественное пространство романа исследовано в статье М. Л. Штуккерт. Автор анализирует связанные с социумом, властью и природой смыслы, формируемые вертикальной и горизонтальной осью пространства. Она также обратила внимание на важность картографической темы. Исследовательница рассматривает карту в романе как «условную победу» в борьбе человека с природой, «сведение хаоса к набору абстракций» (Штуккерт, 2022, с. 164). О важности карты в романе как «важнейшего государственного дела» писал и А. И. Зырянов (Зырянов, 2017, с. 46), констатируя это как факт и не разбирая более детально.

Представляется необходимым более широко раскрыть значение и место картографии в романе, выявив и другие ее функции (связь с сюжетом, со структурой художественного пространства, концептуализацией пространства и идеологическим наполнением романа). Будучи связанной с одним из главных героев – архитектором и картографом Семеном Ремезовым, картографическая тема занимает в *Тоболе*

совершенно особое место. Представляется, что карта служит указателем на то, чей «голос» или точка зрения доминирует в романе, в котором не создается «эпическое единство», «нет точки зрения “сверху”», а автор избегает повествования «от себя», часто прибегая к несобственно-прямой речи (Штуккерт, 2022, с. 160).

Карта и сюжет

В романе два центральных персонажа – губернатор Гагарин и архитектор, картограф Ремезов. Сам автор подчеркивал ключевую роль Ремезова, говоря, что к нему ведут все нити романа, поскольку он «главный знаток Сибири», и к нему все идут за советом (Дьякова, 2016). При этом Ремезов не является внешним двигателем сюжета. Сюжет во многом двигает магнетическая сила притяжения «гешефта», под которую попадает большинство мужских персонажей романа. Главным же «архитектором гешефта» является Гагарин. Последствия именно им принятого решения о передаче пайцзы джунгарам (что было государственной изменой) с целью обеспечения собственных торговых интересов стали основной сюжетной линией во втором томе романа (эта же линия является основной в мини-сериале «Тобол»).

Следует отметить, что информация, которой делится Ремезов, не в последнюю очередь связана с картами. Ремезовские карты сквозным мотивом всплывают на протяжении всего романа. Склонившись над старой картой Ремезова в своем летнем дворце, Петр I пытается оценить перспективы похода на Яркенд за золотом. Полковник Бухгольц, назначенный командующим походом, перед выступлением обращается за советом к Ремезову как к «главному знатоку Сибири» (Иванов, 2019, с. 40), чтобы тот рассказал о том, что из себя представляют джунгары. Бухгольц достает «небольшой, сложенный в четверть бумажный чертёж, истёртый по сгибам», в котором Ремезов сразу узнал свою когда-то давно им сделанную карту (Там же). Познания картографа в области «осинового гнезда» отношений между джунгарскими племенами вызывают восхищение полковника (Там же, с. 42). Карта помогает визуализировать и понять информацию. Полковник Новицкий, получив от Гагарина задание описать жизнь остяков и их крещение, также обращается за помощью к Ремезову, чтобы он научил его составлять карты, потому что он «ую Сибер очертил» (Иванов, 2017, с. 415). Ремезов единственный, кто знает местонахождение деревни Чилигино, в которой раскольник Авдоний решил устроить гарь, и благодаря этой информации сын Ремезова спасает свою возлюбленную. Только Ремезов оказывается способным «прочитать» икону, на которой зашифрована карта местности, где спрятана легендарная кольчуга Ермака, – что оказалось важным шагом в деле спасения Вани Демарина. Чтобы найти спасительный путь бегства из России, к Ремезову, «сибирскому географу и навигатору», обращается пленный швед Ренат, на которого Гагарин возложил обязанность передать пайцзу джунгарам, потому что «все равно больше не у кого было спрашивать» (Иванов, 2019, с. 157). Он просит Ремезова показать ландкарты степей с жизненно важной для него информацией. С другим пленным шведом немецкого происхождения Филиппом Таббертом фон

Страленбергом у Ремезова на почве картографии складываются совершенно особые отношения, о которых будет сказано ниже.

Помимо этого, карта и интерес к пространству выполняют объединяющую функцию, соединяя совершенно разных персонажей в доме Ремезова. Сын Ремезова Леонтий смотрел, как Табберт, которого интересовал речной путь в Китай, и Чонг (переводчик при китайском посольстве) «склоняются над чертежом отца, и думал: Швеция и Китай – они в разных концах света, но вдруг встретились здесь, в мастерской. Таков уж человек его батюшка Семён Ульяныч» (Иванов, 2017, с. 247). Этот отрывок еще раз демонстрирует, что разные сюжетные линии ведут к Ремезову.

Всех персонажей романа можно разделить по способу восприятия Сибири, способности понимать ее устройство и по степени обладания пространственными знаниями. В отношении персонажей романа Ремезов является тем, кто пытается охватить пространство (сибирское) в его целостности, то есть понять его в социально-политическом аспекте (взаимодействие разных этносов), а также вообразить в его географическом, природном разнообразии. Картографирование в случае Ремезова как раз и помогает проделать аналитическую (расчленение пространства на «понятные» части) и синтетическую (собираение частей в единство) работу. В романе больше ни у кого нет целостного опыта восприятия Сибири, другим персонажам доступен только определенный ее сегмент.

Так, Петр I воспринимает Сибирь прежде всего как государственную территорию, которая представляет для него проблему; он «досадовал, что не ведает своего государства» (Иванов, 2019, с. 817). Поскольку он никогда не был в Сибири и не знает ее, она для него доступна в виде абстрактного картографического изображения знания. Карта как некий оптический прибор приближает далекую Сибирь к Петру I, но не позволяет ему познать ее более непосредственным образом. Гагарин – опытный стратег, прекрасно разбирающийся в подводных сибирских политических и торговых «течениях». Сибирь его интересует в основном как пространство социальных взаимодействий. Его знание Сибири ориентировано в основном на извлечение практической пользы. На нее же нацелен и бухарец Касым – именно этот мотив в конечном итоге диктует его передвижения в пространстве. Читатель не узнает, каким образом он внутренне переживает пространство, точно так же как читатель не узнает этого про обитателей степи джунгар Онхудая и Цэрэна Дондоба. Ссылный полковник Новицкий обладает частичным знанием Сибири, обусловленным миссионерской деятельностью митрополита Филофея, а также любовной линией с остячкой Айкони. В восприятии Новицкого пространство сводится к земле, которая для него «слишком большая – бессмысленно, мучительно большая», «заунывно-одинаковая» (Иванов, 2017, с. 189); он чувствует вокруг (путешествуя из Певлора) «чьё-то тихое, знобящее, зловещее присутствие. Присутствие чего-то настолько большого, что его не увидеть целиком, а потому и не понять» (Там же, с. 197). Схожим образом пространство Сибири давит и на пленных шведов: «Длинная извилистая река, хмурые еловые кручи, тысяча вёрст без дорог и почти без жилья... Погибнуть здесь было куда проще, чем на поле Полтавы» (Там же, с. 25). Для шведов

это чужое пространство, и они мечтают вернуться домой на родину. Для военных Вани Демарина и Бухгольца тоже не актуальны пейзажные красоты, и они плохо знакомы с особенностями сибирской жизни. Остячка Айкони, наоборот, прекрасно чувствует «музыку пространства», умеет видеть «невидимую жизнь» тайги (Там же, с. 61). При этом у нее есть природное ощущение «огромной земли», пространств севера, юга, востока и запада, где «везде разные реки, везде разные боги, и солнце везде светит по-разному» (Иванов, 2019, с. 672–673), но она не понимает культуры людей-колонизаторов, принесших ей зло. Для нее сфера познания ограничена тайгой, а «чужой» мир ей мало доступен.

Таким образом, упомянутым выше персонажам физически и концептуально доступен больший или меньший сегмент сибирского пространства. Ремезов же является тем, кто активно ищет пространственных знаний, которые стекаются к нему с северного, южного, восточного и западного направлений через встречи с людьми и расспросы о виденных ими землях, воспоминания о прошлом или изучение книг и карт. Сами же карты выступают неким символом знаний, которыми Ремезов делится с обращающимися к нему за помощью персонажами, и функционируют в тексте как повторяющийся мотив. Одна из функций карты, как мы видели, – помочь физически преодолеть пространство, сориентироваться в нем, найти дорогу, а передвижение в романе практически всегда связано с опасностью и угрозой для жизни. Причем карта необходима не коренному населению (остякам и вогулам), а русским. И здесь проявляется ее вторая функция: пройти – значит освоить, колонизировать пространство. Так карта, через которую вводится имперская перспектива, становится «важнейшим государственным делом» (Зырянов 2017, 46).

Поэзия карты и государственный интерес

Единственным персонажем, сопоставимым с Ремезовым в своем стремлении познать сибирское пространство, является один из главных героев романа Табберт. Парадокс в том, что страсть и интересы Ремезова находят наибольший отклик не у «своих», а у «врага». Так, Табберт единственный, кто «на памяти» Ремезова проявил интерес к сибирским петроглифам (Иванов, 2017, с. 222). Кроме того, он увлекся историей Сибири и, как и Ремезов, чувствует «зов пространства» и испытывает к нему подлинную страсть. Это отличает его от других пленных шведов, в частности от Рената, которому «нет дела до русских скал» (Там же, с. 24). Картография – любимое дело Табберта, спасающее его от уныния в плену. Опасаясь возможной ссылки за попытку нелегально переправить свою карту в Европу, Табберт размышляет о том, что было бы лучше, если бы его сослали не в известные ему места, а туда, где он еще не бывал (например, в Тару, Селенгинск, Иркутск), так как там он мог бы составлять новые карты и собирать информацию. Похожим образом карты служат опорой и для Ремезова. Вспоминая прошлое, он думает, что никогда ни перед чем не смирился и если не мог где-нибудь побывать, то это место ему в какой-то степени заменял чертеж: «Ему не побывать в Мангазее и Албазине, на Байкале и на Амуре, в

Якутске и на Камчатке, в Мунгалии и Китае? Он составит чертежи. И чем красивее он это сделает, тем ближе будет к правде» (Иванов, 2019, с. 489).

Только для Ремезова и Табберта карта связана с особым модусом переживания, в то время как для остальных она служит в основном прагматическим целям. Когда Табберта отправляют на поиски беглых крестьян-раскольников, он оказывается очень этому рад: «Он прекрасно помнил ландкарту Тобола, которую так тщательно копировал из рукописей Симона Ремезова, и сейчас умозрительный чертёж животворно наполнялся содержанием. Табберт словно бы осматривал свои владения» (Там же, с. 169). Здесь уместно вспомнить, что географические карты А. Лефевр относил к репрезентациям пространства, к пространству осмысления, абстракции и идеологии (Лефевр, 2015, с. 54–57, 278), а М. де Серто, развивавший идеи Лефевра, «критиковал» карты за то, что они «скрывают породившее [их – Ю.С.] действие; практики подменяются своими следами», «способствуя забвению бытия-в-мире» (де Серто, 2008, с. 28). Он называл эту «особенность географической системы» «хищной» (Там же). На более эксплицитную связь географического знания (например, понятий «территория», «регион», «провинция») и картографирования с военными стратегиями указывали издатели журнала Геродот в интервью с М. Фуко, который подчеркивал неотделимость географических знаний от механизмов власти (Foucault, 2007, p. 177). В данном случае, хотя «хищнический» аспект карты присутствует (учитывая общий контекст колониального освоения Сибири), нам важно подчеркнуть феноменологическую составляющую опыта: карта позволяет произойти опыту «узнавания», приближающемуся к эстетическому переживанию. Табберт как будто бы переживает составление карты Ремезовым в обратном временном порядке, начав с «абстракции» и закончив «практикой», тем самым словно «присваивая» себе его опыт. Как пишет культурный географ Туан, «картографические компетенции предполагают не только способности к абстрагированию и символизации» со стороны картографа, но и соответствующие способности в человеке, глядящем на карту, поскольку он должен уметь соотносить изображаемое на ней с реальной территорией (Tuân, 2001, p. 77). Так, в опыте восприятия Сибири Таббертом существеннейшим элементом становится географическая карта, структурирующая его опыт.

В Ремезове карта вызывает переживания сродни поэтическим. Глядя на нее и перечитывая свои описания, он предается географическим грезам. Например, в сцене, где он «переворачивает толстые жёлтые листы своей Служебной книги и вперебежку читает быстрые строки», описывается, как «в его воображении» всплывает прошлое Сибири, «чудесные» явления, исторические события (Иванов 2017, с. 115–116). С помощью воображения он пытается удерживать «дальние пределы Сибири» (Там же, с. 116), которые географически охватывают север (Мангазея, тундра), юг (Ольхон, степи), северо-восток (Камчатка) и юго-восток (Китай). Повествователь отмечает, что Ремезов по «громаде познаний» «странствовал без спутников», поскольку «никому эти чудеса не любопытны» (кроме Табберта) (Там же). Его путешествие подобно «перебиранию в уме сокровенных имен и событий этого мира, [которые] словно монеты и драгоценные камни в ларце» (Там же). Здесь

карта выступает не как «дистанцированное и упорядоченное» пространство «теоретических конструкций» или «тотализирующего взгляда» (де Серто, 2008, с. 25), а высвобождает географическую фантазию, позволяющую свободно выбирать свой маршрут и беспрепятственно двигаться по карте¹.

Хотя де Серто анализировал городское пространство, противопоставляя взгляд сверху, панораму города, похожую на карту, практикам повседневности – «слепому» блужданию пешехода, своими шагами создающего другой город, это различие можно применить и к гораздо большему пространству. Как пешехода, бредущего по городу, влекут топонимы, мифологические ассоциации или воспоминания о прошлом, так и воображение Ремезова увлекают названия рек: «Но в горнице звучали удивительные слова, будто слетевшие со струн сказочных гуслей, то рокочущих, то звенящих: Ангара, Селенга, Аргунь, Амур, Сунгари... Семён Ульянович слушал эти звуки, и ему казалось, что ангелы раскрывают ему все двери мира, и он опять молод, и он всё увидит и везде успеет побывать» (эпизод, в котором описывается встреча китайского переводчика Чонга, Ремезова и Табберта, обсуждающих путь, по которому осуществлялась торговля русских с Китаем) (Иванов, 2017, с. 249). Говоря словами де Серто, здесь «названия служат воображаемыми точками маршрутов» (де Серто, 2008, с. 33), по которым устремляется географическая фантазия.

Однако пробуждающая грезы карта является в то же самое время объектом пристального государственного интереса и *воплощением властного взгляда*. Поэтическая функция идет бок о бок с государственной². Уже в самом начале романа мы узнаем, что Табберт, помимо научного интереса – «раздвинуть пределы Ойкумены», «чтобы земля стала больше» для европейцев – хочет сослужить службу Швеции, найдя для нее пути торговли с Китаем, для чего и необходимо создать достоверную карту (Иванов, 2019, с. 19). Тем самым карта посредством рук Табберта косвенно становится и «делом» Швеции. Запрет Гагарина Ремезову делиться своими чертежами (являющимися государственной тайной) с Таббертом спровоцировал дальнейшее сюжетное развитие. Табберт просит влюбленную в него острячку Айкони, чтобы она для него тайком взяла Служебную книгу Ремезова. Не вынеся стыда после того, как он отказался вовремя вернуть книгу, она поджигает его мастерскую и убегает в тайгу. Здесь мы видим типичную колониальную ситуацию – женщина-аборигенка становится жертвой действий белого колонизатора, который сам, как это ни парадоксально, является пленником³.

Таким образом, карта демонстрирует, как переживают пространство изнутри два главных героя романа Ремезов и Табберт. С одной стороны, карта высвобождает

¹ О другой точке зрения на разглядывание карты у де Серто как проявлении властного взгляда см.: (Видуирите, 2019, с. 94).

² О тесной взаимосвязи зрения, эстетически, культурных и властных практик применительно к картографии см., например, (Cosgrove, 2008, p. 155–168). Обзор подходов к исследованиям географического воображения, квестионирующих «чистоту» научного географического знания и показывающих центральность эстетики, философии, истории, культуры, искусства, визуальных и властных техник в формировании географического дискурса см.: (Видуирите, 2019, с. 18–24).

³ О колониальных мотивах в связи с особенностями изображения вогульских женщин в других романах Иванова – *Золото бунта*, *Сердце нармы* – см.: (Кукулин, 2013, с. 177–178).

географическую фантазию и позволяет героям предаваться пространственным грезам, а с другой, она становится пространством реализации власти, будучи высокой ставкой в геополитической игре.

Карта и пространственная организация романа

Пространство романа определяется движением (маршрутами) в направлении четырех сторон света (Зырянов, 2017, с. 46). Главной осью является «маршрут по тобольскому меридиану» (по реке из Тобольска в Березово) (Там же). Важными смысловыми и сюжетными направлениями являются также направления Тобольск – Китай (на восток), Тобольск – джунгарские степи (на юг), Тобольск – Петербург (на запад). Пространственным, географическим и концептуальным центром романа соответственно является бассейн реки Тобол. «Центральность» Тобола подчеркивается и способом картографической визуализации, использованной Ремезовым при создании карт.

В романе упоминаются сборники реальных карт, созданных историческим Ремезовым, а именно «Хорографическая чертежная книга» (1697–1711), «Чертежная книга Сибири» (1699–1701), «Служебная чертежная книга Сибири» (1702). Историки картографии считают, что исторический Ремезов был создателем «лебединой песни» исконной русской картографии» (Кивельсон, 2012, с. 186). Хотя Ремезов создавал свои карты в петровское время и был знаком с современными европейскими методами картографирования, он пользовался «старой» традицией «единственно возможной в его условиях, когда отсутствовали данные о точной астрономической привязке географических объектов» (Богучарков, 2006, с. 12). Это выражалось в том, что структурообразующим элементом в создании карты «вместо долготы и широты» становилась система рек и дорог (Кивельсон, 2012, с. 186), из-за чего реальный масштаб искажался: крепости, города, реки изображались слишком большими (Там же, с. 180). Кроме того, «для карт допетровской эпохи характерно искажение масштаба от центра к краям» (Ладыгина, б/д). Такое «искажение» масштаба связано с позицией наблюдателя, что важно как для ремезовских карт, так и для пространства романа.

С точки зрения картографа Николая Комедчикова, для допетровских карт характерно следующее:

Наблюдатель (он же составитель карты) находится как бы в центре листа, поэтому и читать карту следует с этой точки зрения. Хотя у Ремезова изображение даётся сверху, на деле действует тот же самый принцип: человек стоит в центре и фиксирует всё вокруг себя. То, что ближе, выглядит крупнее, то, что дальше, кажется мелким.

(цит по: Ладыгина, б/д)

Соответственно более близкий к центру наблюдения объект будет более важным. Так и пространство в романе, из которого «смотрит» Ремезов, – а это Тобол и Тобольск – будет более важным, нежели периферия. В романе говорится, что Ремезов

чертеж Тобола всегда «помещал на первый лист своих изборников», а потом уже изображал другие сибирские реки (Иванов, 2019, с. 567).

Комментируя карту всей Сибири из «Служебной чертежной книги», Кивельсон пишет, что на этой карте «от Тобольска исходят алые лучи <...>. Выгеснив Европейскую Россию на поля чертежа и убрав Москву совсем, Ремезов наполнил географию политикой. С помощью картографической ловкости рук он создал центр в том месте, которое обычно воспринималось как периферия» (Кивельсон, 2012, с. 188). Так же и в романе создается центр в пространстве, которое в русской литературе функционирует как периферия в отношении метрополии. В отношении же Тобольска периферией, скорее, становится Петербург⁴.

Таким образом, можно сказать, что пространство романа с «центрированностью» в Тобольске или бассейне Тобола вторит духу карты Ремезова. Кроме того, как мы видели, передвижения основных персонажей в романе во многом связаны с ремезовскими картами (показывающими путь); герои как будто проходят по поверхности его карт, на которых главное место занимают реки. Все основные персонажи перемещаются из одного пространства в другое, причем это передвижение практически всегда связано с преодолением препятствий и предполагает наличие определенных навыков в обращении с пространством. Пестрый сибирский жизненный ковер (ощущение специфичности данного пространства, а именно его динамичности) в тексте ткется именно благодаря движению, различным пространственным траекториям. Не случайно в название романа вынесено название реки, указывающее на важность движения. Вся пространственная структура романа представляет собой своеобразный след от этого движения, доступный во всей своей целостности только взгляду читателя. В романном же пространстве лишь Ремезов, пытаясь зафиксировать и осмыслить опыт своего и чужих передвижений, приближается к полноте пространственных знаний.

Воображение и взгляд ангела

В романе Ремезов и его карты, символизируя «допетровский» мир, как будто бы составляют семантическую оппозицию в отношении Гагарина и западного типа культуры, которую тот привез с собой в Сибирь⁵. Князь Гагарин называет его «дремучим сибирским демиургом» (Иванов, 2017, с. 101). Ремезов религиозен – пишет иконы, он любитель русского узорочья, мечтает о постройке кремля, хотя уже никто кремлей не строит, с «ревностью жителя окраины» относится к новшествам – «першпективе» (Там же, с. 103), прямым линиям петербургских улиц, новым в европейском стиле дворцам. Он «в сказки верит», стоит за «отеческую старину» (Там же, с. 102–104), делает карты в старой традиции.

⁴ Обмен местами центра и периферии также отмечался в статье Л. А. Колобаевой (Колобаева, 2019, с. 378).

⁵ О противостоянии Ремезова и Гагарина как «одной из основных “линий напряжения” романа», о конфликте поэта и царя и столкновении «глобализма и идентичности» см.: (Дьякова, 2018).

Во многом создание карты и строительство кремля определяется воображением. В XVII веке для того, чтобы осмыслить сибирский ландшафт и природу (величины, объемы, изобилие) и перевести их в репрезентацию, московским наблюдателям надо было полагаться на воображение (Кивельсон, 2012, с. 171). Строя кремль, который символизировал победу духа над плотью («дух крепче плоти» [Иванов, 2019, с. 26]), Ремезов как архитектор видел «умозрительную красоту», которая пока еще не воплощена в камне, «небесный образ», который должна «наполнить» «земная плоть», «подобно иконе» (Там же, с. 428). Рисуя карту, он также должен был вообразить то, чего нельзя охватить одним взглядом, сделать видимым для Петра I то, что оставалось вне его поля зрения (для императора Российская держава «растворялась во мгле безвестности» [Там же, с. 817]). Как мы видели, для Ремезова создание карты и ее чтение в чем-то сродни поэтической деятельности. Тем самым он как бы противостоит духу эпохи Петра I с его ориентацией на рационализм, прагматизм, европейскую культуру.

Однако в конце романа мы видим несколько иную ситуацию, опять же связанную с картографированием. Во втором эпилоге в Тобольск с группой «недорослей» по приказу Сената прибывает Петр Чичагов, представитель новой петровской эпохи, выпускник учрежденных императором Навигацкой школы и Морской академии, для выполнения наказа Петра I «измерить отечество вдоль и поперек» (Там же), используя современные методы картографирования – меридиональную сетку. Его задача – сделать чертеж Тобола, нижнего Иртыша и некоторых других рек. Исторический Чичагов считается «пионером съемочных работ в Сибири», его работа должна была внести свой вклад в «создание генеральной карты всего государства» (Рутько, 2019, с. 16).

Ремезова поразил новый тип карты, которая давала возможность геодезистам «возносить зрение на высоту ангелов» и «видеть землю, как она есть, и вширь, и вдаль – до бесконечности». Он вдруг понял, что можно «воспарить» над Землей и «обозреть дольний круг бытия», причем не в «бурном воображении», а «ясным разумом, ненасытным к познанию» (Там же, с. 824–825). То, чего Ремезов достигал воображением, теперь «извлекается из бесплотного таинства пространства разными предивными инструментами» (Там же, с. 824). Его «потрясает» панорамный взгляд сверху, очаровывает красота математических законов, техники и научно-экспериментального подхода. Слово «воспарить» относится к одическому арсеналу XVIII века, демонстрирующему связь одического парения и империи (Ram, 2003, pp. 63–70). Поэту с высоты внутреннего взора (птичьего полета) открывалось обширное пространство империи, однако не литературный текст, а только карта могла предоставить ему «реальную» визуализацию/ проекцию пространства. Можно сказать, что литературный Ремезов как картограф испытывает своего рода одический восторг раньше, чем поэты-одописцы. Его «потрясение» близко к восторженной эмоции Ломоносова, пытающегося охватить одним взглядом географическую и политическую панораму (Ibid, p. 66). Характерно, что «странности» парящего стиля поэта объясняются его ориентированностью на «визуальность барочной панегирической

культуры» (Рогов, 2006, с. 73): поэт перерабатывал визуальный материал, предоставляемый гравюрами, эмблемами, фейерверками, изображая пространство империи.

Так, в конце романа траектории Петра I и Ремезова как бы смыкаются, объединенные одной просвещенческой целью познания. Ремезов, преодолевая гордость, обращается со словами, которыми заканчивается эпопея, к Чичагову: «Научи!» (Иванов, 2019, с. 825). Хотя исторический Ремезов и его работы в большей степени представляли «культурную среду позднего Московского царства», нежели «отвечали на культурные потрясения начала XVIII века» (Кивельсон, 2012, с. 187), в романе Ремезов – самоучка, потом учитель и в самом конце опять ученик, что как раз соответствовало требованиям Петра I к «новым» людям: обладать жаждой познания, инициативностью, предприимчивостью и готовностью учиться. В первой главе романа Петр I сравнивает империю с «прекрасным фрегатом» и жалуется, что она «нужна только ворами» и что его фрегат «никуда не уплывёт из этой ижорской болотины» (Иванов, 2017, с. 10). Старик Ремезов оказывается тем «матросом», который помогает плыть кораблю в «больших водах». На определенную близость Петра и Ремезова указывают и слова Вани Демарина: «мыслью своею Ремезов устремлён в грядущее, как и царь Пётр, который созидает новую державу» (Иванов, 2019, с. 604)⁶. Таким образом, как и исторический Ремезов, Ремезов литературный активно включен в процессы строительства империи на окраине (Кивельсон, 2012, с. 187)⁷.

В последней 15-й главе романа вводятся два новых исторических персонажа (они же фигурируют и в первом эпилоге) – Василий Татищев (историк, географ, начальник горных заводов на Урале) и Даниил Готтлиб Мессершмидт (основатель русской археологии, ботаник, исследователь Сибири), с которыми подружился Табберт. Сам Иванов в своем интервью говорил, что «Татищев и Чичагов появляются в “Тоболе”, потому что они появляются в истории Тобольска и открывают новые этапы развития Сибири» (Дьякова, 2018). Но в контексте романа важно то, что, помимо всего прочего, они являются еще и картографами, что доказывает важность картографического импульса⁸. Увидев карту Сибири, сделанную Таббертом, Татищев, для которого «любовью стала картография», сразу же захотел познакомиться с картографом (Иванов, 2019, с. 794). И Табберт уже после возвращения на родину, погрузившись в размышления после разговора с вернувшимся из плена Ренатом, особым образом выделяет Татищева, Мессершмидта и Ремезова, настоящих ученых, которые «кладут жизнь <...> за познание мира» (Там же, с. 816). Так, в конце романа опять выводится на первый план его главнейшая тема – познание пространства и его освоение.

⁶ См. противоположное мнение: М. Штуккерт считает, что Петр I и Ремезов, империя и Сибирь противопоставляются в отношении категории времени и вечности (Штуккерт, 2022, с. 170).

⁷ При этом оговорим, что для Ремезова, в отличие от Петра I, суть имперской власти «покоилась не на внушительном единообразном гегемонистском контроле, а на строительстве как можно более широкого и пестрого государства, охватывающего как разнородные земли и народы, так и различные отношения подчинения» (Кивельсон, 2012, с. 253).

⁸ Термин, предложенный С. Алперс (Alpers, 1983, pp. 119–168), анализировавшей роль карт в голландской живописи. Применительно к исследованиям русской литературы термин был введен И. Видугирите (Видугирите, 2016, с. 111–125).

Пространство, место и карта

М. Л. Штуккерт рассматривает карту в романе как «победу человеческого разума над разрывающей пространство борьбой горизонтали и вертикали», победу человека над природой, делая вывод, что в финале романа представлена «условная победа в этой борьбе – сведение хаоса к набору абстракций» (Штуккерт, 2022, с. 164). Однако представляется, что функционирование карты в романе этим не исчерпывается. Картографическая деятельность Ремезова (и Табберта) демонстрирует попытку эмоционально и интеллектуально «приблизить» огромную Сибирь, то есть «создать» из пространства место. Здесь мы обратимся к идеям культурного географа И-Фу Туана, различающего понятия пространства и места, которые обуславливают друг друга. Место – это «особый тип объекта, центр значений» (Tuan, 2001, p. 12); «недифференцированное пространство становится местом, когда мы его узнаем лучше и наделяем значением». Если пространство «позволяет двигаться, то место является остановкой» (Ibid, p. 6). Место становится «конкретной реальностью» тогда, – пишет Туан, – когда человек получает целостный опыт, в котором участвуют все чувства и разум (Ibid, p. 18). В качестве места он приводит в пример улицу или район, в котором человек проживает длительное время и знает их физически, ментально, испытывая при этом эмоциональную привязанность. С крупными пространственными единицами, такими как национальное государство или империя, дело обстоит сложнее, поскольку у человека отсутствует их непосредственное знание и опыт восприятия (Ibid). В этом случае на помощь приходит карта, помогающая визуализировать и конкретизировать пространство, а также история с ее символами и значимыми историческими деятелями и событиями, позволяющая не только сформировать пространственный «концепт», но и эмоционально отождествляться со страной, тем самым превращая абстрактное пространство в место (Ibid, pp. 177–178). Именно в сюжетной линии Ремезова (и в меньшей степени Табберта) через его путешествия, тягу к пространству, увлечение историей Сибири, архитектурную и картографическую деятельность, способность к пространственному воображению и поэтическому переживанию, а также потребность в пространственной визуализации и целостном восприятии перед читателем в полной мере раскрывается процесс трансформации пространства в место.

Эта идея Туана хорошо объясняет напряженную пространственную динамичность *Тобола* (выделяющую его из ряда других романов о Сибири), которая в некоторой степени «разрешается» в сюжетной линии Ремезова, а также на уровне читательского восприятия пространства. Текст представляет собой попытку нащупать некий «центр значений» в огромных сибирских пространствах. Туан пишет, что в западной мысли большие открытые пространства воспринимаются как «открытые» для новых смыслов и значений, подразумевают свободу, призывая человека к действию, но в то же время они подвергают человека опасности – в них нет «избитых исхоженных троп», и путник в них становится уязвимым (Ibid, p. 54). Действительно, в романе обширное пространство Сибири как притягивает (например, Табберта, Ремезова,

подчиняющихся «зову пространства» [Иванов, 2019, с. 803]), так и отталкивает (например, Новицкого, пленных шведов). Оно таит в себе физическую опасность для героев. Найти путь в нем очень непросто, но также непросто сделать его «местом». Однако прохождение и наделение открытых пространств значением в романе амбивалентно, поскольку герои движутся не в пустом, а населенном другими народами пространстве, сталкиваясь с ними и подчиняя их. Как пишет Д. Косгроув об опыте европейских колонизаторов в Америке (его можно применить и к ситуации в Сибири): пытаясь понять и «контролировать огромность американского пространства», они, в частности, обращались к «воображению пейзажа» и картографированию, которое представляло собой «более безопасный и быстрый способ справиться с неизвестными пространствами», а также «контролировать» непредсказуемость природы и других «соперников» (Cosgrove, 2008, p. 92). Таким образом, попытка создания «места» в романе неотделима от колониального контекста, будучи связана как с процессами подчинения, так и со страстью к удаляющимся географическим горизонтам, тем самым вписываясь в общую имперскую поэтику пространства.

Итак, можно сказать, что *Тобол* – это роман как о колонизации Сибири, так и о превращении пространства в место. Сюжетная динамика (траектории передвижения героев) соответствует концептуальной динамике (разным отношениям к пространству, представлениям о нем и попыткам наделить его смыслом). Карта становится и инструментом для прохождения пространства, и орудием его покорения, и тем, что пробуждает поэтические грезы, и способом вообразить Сибирь. Более того, структура художественного пространства романа вторит структуре и миру реальных карт исторического Ремезова с их «центрированностью» в Тобольске и Тоболе. Карта также демонстрирует, каким образом «модернизируется» литературный Ремезов.

Литература

- Богучарсков, В.Т., 2006. *История географии и ее преподавания в вузах России*. Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. ст. доктора географических наук. 07.00.10- история науки и техники. Ростовский государственный ун-т. Москва.
- Видугирите, И., 2016. Гетеротопия пейзажа: картографический импульс в творчестве Гоголя. *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, 57 (5), с. 111–125.
- Видугирите, И., 2019. *Гоголь и географическое воображение романтизма*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Владимирский, В., 2018. «Тобол. Мало избранных» Алексея Иванова: игры сибирских престолов. *Санкт-Петербургские ведомости*, 095 (6204), 30 мая. Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/culture/igry_sibirskikh_prestolov/ [см.: 19 01 2024].
- Де Серто, М., 2008. По городу пешком. *Социологическое обозрение*, 7 (2), с. 24–38.
- Дьякова, Е., 2016. Интервью с А. Ивановым. А. Иванов: «Породниться с Востоком мы не сможем». *Новая газета*, 131, 23 ноября. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/23/70640-aleksey-ivanov-porodnitsya-s-vostokom-my-ne-smozhem> [см. 25 01 2024].
- Дьякова, Е., 2018. Интервью с А. Ивановым. «Глобализм и идентичность – Сцилла и Харибда России»: интервью Алексея Иванова к выходу второго тома романа «Тобол». *Новая газета*, 17, 16 февраля. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/09/75460-globalizm-i-identichnost-stsilla-i-haribda-rossii> [см. 18 01 2024].
- Зырянов, А.И., 2017. Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе). *Географический вестник*. Серия гуманитарная география, 3(42), с. 43–47.

- Иванов, А., 2017. *Тобол. Много званых*: роман-пеплум. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Иванов, А., 2019. *Тобол. Мало избранных*: роман-пеплум. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Кивельсон, В. 2012. *Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века*. Пер. с англ. Н. Мишаковой. Москва: Новое литературное обозрение.
- Колобаева, Л.А., 2019. Русский исторический роман по-новому. «Тобол» Алексея Иванова. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. Т. 24 (3), с. 376–389.
- Кукулин, И.В., 2013. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов. *Политическая концептология*, 2, с. 149–185.
- Ладыгина, О., Мозилова, Н., б.д. Картографическая Джоконда: тайны карты Семена Ремезова из собрания РГО. *Русское географическое общество*. Режим доступа: <https://kartaremezova.rgo.ru/> [см.: 16 01 2024].
- Лефевр, А., 2015. *Производство пространства*. Москва: Strelka Press.
- Пулсон, К., 2018. Интервью с А. Ивановым. Алексей Иванов: У современности снаружи – социализация, а внутри – фейк. *Российская газета*. Федеральный выпуск, 61(7524), 22 февраля. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/02/22/aleksey-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> [см. 18 01 2024].
- Рогов, К., 2006. Три эпохи русского барокко. *Тыняновский сборник*, 12: X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. Москва: Водолей Publishers, с. 9–102.
- Рутько, И.М., Семьянников, Б. Г., 2019. Геодезист Петр Чичагов и его деяния. *Международный журнал теории и научной практики*. Т. 2 (1), с. 15–19.
- Сазонова, А.С., 2020. Поэтика сибирского текста в романе А. Иванова «Тобол». *Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева*, 1. Т. 1, с. 20–25.
- Сироткина, А.Т., 2018. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол». *Вестник Пермского ун-та*. Российская и зарубежная филология. Т. 10 (4), с. 70–78.
- Фролова, Г.А., Солунова, Я.А., 2020. Особенности создания и функционирования образа речной акватории в романе А. Иванова «Тобол». *Уч. записки Новгородского государственного ун-та им. Ярослава Мудрого*, 8 (33), с. 1–4.
- Штуккерт, М.Л., 2022. «Тобол» А. Иванова: «модель для сборки» сибирского пространства. *Литература Сибири в социокультурном пространстве* (Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции). Иркутск, 23–24 сентября 2021 г.). Иркутск: изд-во ИГУ, с. 159–171.
- Alpers, S., 1983. *The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Cosgrove, D., 2008. *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. London: I.B. Tauris.
- Foucault, M., 2007. Questions on Geography. In: *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Ed. by J.W. Crampton and S. Elden. Hampshire: Ashgate publ., pp. 173–182.
- Ram, H., 2003. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Tuan, Yi-Fu, 2001. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minnesota: University of Minnesota Press.

References

- Alpers, S., 1983. *The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bogucharskov, V.T., 2006. *Istoriya geografii i ee prepodavaniya v vuzakh Rossii*. [The history of geography and its teaching in Russian universities]. *Dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uch. st. doktora geograficheskikh nauk*. [Dissertation in the form of a scientific report for the degree of Doctor of Geography] 07.00.10 – istoriya nauki i tekhniki]. Moscow: Rostovskii gosudarstvennyi universitet Publ.
- Cosgrove, D., 2008. *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. London: I.B. Tauris.
- De Serto, M., 2008. По городу пешком. [Walking in the city]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie*. [Sociological review], 7 (2), pp. 24–38.

- D'yakova, E., 2016. Interv'yu s A. Ivanovym. A. Ivanov: «Porodnit'sya s Vostokom my ne smozhem». [Interview with A. Ivanov. A. Ivanov: "We will not be related to the East"]. In: *Novaya gazeta*. [New newspaper], 131, 23 November Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/23/70640-aleksey-ivanov-porodnitsya-s-vostokom-my-ne-smozhem> [Accessed 25 January 2024].
- D'yakova, E., 2018. «Globalizm i identichnost' – Stsilla i Kharibda Rossii»: interv'yu Alekseya Ivanova k vykhodu vtorogo toma romana «Tobol». ["Globalism and identity – Scylla and Charibdis of Russia: A. Ivanov's interview before the release of "Tobol's" second volume]. In: *Novaya gazeta*. [New newspaper], 17, 16 February. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/09/75460-globalizm-i-identichnost-stsilla-i-haribda-rossii> [Accessed 18 January 2024].
- Foucault, M., 2007. Questions on Geography. In: *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Ed. by J.W. Crampton and S. Elden. Hampshire: Ashgate publ., pp. 173–182.
- Frolova, G.A., Solunova, Y.A., 2020. Osobennosti sozdaniya i funkcionirovaniya obraza rechnoi akvatorii v romane A. Ivanova «Tobol». [Image of the river water area in A. Ivanov's novel "Tobol"]. In: *Uch. zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo un-ta im. Yaroslava Mudrogo*. [Scientific notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 8 (33), pp. 1–4.
- Ivanov, A., 2017. *Tobol. Mnogo zvanykh*: roman-peplum. [Tobol. Many are called: novel-peplum]. Moscow: Izdatel'stvo AST: Edition Eleny Shubinoi Publ.
- Ivanov, A., 2019. *Tobol. Malo izbrannykh*: roman-peplum. [Tobol. Few are chosen]. Moscow: Izdatel'stvo AST: Edition Eleny Shubinoi Publ.
- Kivel'son, V., 2012. *Kartografii tsarstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka*. [Cartographies of tsardom: the land and its meaning in seventeenth-century Russia]. Transl. from English by N. Mishakova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Kolobaeva, L.A., 2019. Russkii istoricheskii roman po-novomu. «Tobol» Alekseya Ivanova. [Russian historical novel in a new way. «Tobol» of Aleksey Ivanov]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. [Herald of RUDN. Series: Literary studies. Journalism], vol. 24 (3), pp. 376–389.
- Kukulin, I.V., 2013. «Vnutrennyaya postkolonizatsiya»: formirovanie postkolonial'nogo soznaniya v russkoi literature 1970–2000 godov. [«Internal postcolonisation»: formation of postcolonial consciousness in Russian literature of the 1970-s–2000-s]. In: *Politicheskaya kontseptologiya*. [Political conceptology], 2, pp. 149–185.
- Ladygina, O., Mozilova, N., no date. *Kartograficheskaya Dzhokonda: tainy karty Semena Remezova iz sobraniya RGO*. [Cartographic Gioconda: mysteries of the maps of Semen Remezov from collection of RGO]. *Russkoe geograficheskoe obshchestvo*. [Russian Geographical Society]. Available at: <https://kartaremezova.rgo.ru/> [Accessed 16 January 2024].
- Lefevr, A., 2015. *Proizvodstvo prostranstva*. [The production of space]. Moscow: Strelka Press Publ.
- Pul'son, K., 2018. Interv'yu s A. Ivanovym. Aleksei Ivanov: U sovremennosti snaruzhi – sotsializatsiya, a vnutri – feik. [Interview with A. Ivanov. Aleksey Ivanov: There is a socialization on the outside of modernity, but inside of it – fakery]. In: *Rossiiskaya gazeta*. [Russian newspaper]. Federal'nyi vypusk, 61(7524), 22 February. Available at: <https://rg.ru/2018/02/22/aleksey-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> [Accessed 18 January 2024].
- Ram, H., 2003. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Rogov, K., 2006. Tri epokhi russkogo barokko. [Three epochs of Russian baroque]. *Tynianovskii sbornik*. [Tynianov collection], 12: X-XI-XII. Tynianovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy. Moscow: Vodolei Publishers, pp. 9–102.
- Rut'ko, I.M., Semyannikov, B.G., 2019. Geodezist Petr Chichagov i ego deyaniya. [Geodesist Petr Chichagov and his deeds]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal teorii i nauchnoi praktiki*. [International magazine of theory and scientific practice], 2 (1), pp. 15–19.
- Sazonova, A.S., 2020. Poetika sibirskogo teksta v romane A. Ivanova «Tobol». [Poetics of Siberian text in the novel of A. Ivanov "Tobol"]. *Vestnik Volzhskogo un-ta im. V.N. Tatishcheva*. [Journal of Volzhsky university after V.N. Tatishchev], 1. Vol. 1, pp. 20–25.
- Shtukkert, M.L., 2022. «Tobol» A. Ivanova: «model' dlya sborki» sibirskogo prostranstva. [A. Ivanov's "Tobol" as a "model for assembly" for the Siberian space]. In: *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve* (Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii). Irkutsk, 23–24 September

- 2021). [Literature of Siberia in sociocultural space (materials of Russian conference (with international participation)]. Irkutsk: IGU publ., pp. 159–171.
- Sirotkina, A. T., 2018. Ehtnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseya Ivanova «Tobol». [Ethnic images of the peoples of Siberia in the novel “Tobol” by A. Ivanov]. In: *Vestnik Permskogo un-ta*. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. [Perm university herald. Russian and foreign philology], 10 (4), pp. 70–78.
- Tuan, Yi-Fu, 2001. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Vidugiryte, I., 2016. Geterotopiya peizazha: kartograficheskii impul's v tvorchestve Gogolya. [Heterotopy of landscape: mapping impulse in the works of Gogol]. In: *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, 57 (5), pp. 111–125.
- Vidugiryte, I., 2019. *Gogol' i geograficheskoe voobrazhenie romantizma*. [Gogol and the geographical imagination of Romanticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Vladimirkii, V., 2018. “Tobol. Malo izbrannykh” Alekseya Ivanova: igry sibirskikh prestolov. [“Tobol. Few are chosen” of Aleksey Ivanov: game of Siberian thrones]. In: *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. [Saint Petersburg news], 095 (6204), 30 May. Available at: https://spbvedomosti.ru/news/culture/igry_sibirskikh_prestolov/ [Accessed 19 January 2024].
- Zyryanov, A. I., 2017. Globus, Parma i Tobol (o pisatele Aleksee Ivanove kak geograf). [The globe, Parma and Tobol (about the writer A. Ivanov as geographer)]. In: *Geograficheskii vestnik*. Seriya gumanitarnaya geografiya. [Geographical herald. Series: humanitarian geography], 3(42), pp. 43–47.